

Екатерина Бордон

Говорить или не говорить?

Я иду по улице, и голова у меня гудит от напряжения. Говорить или не говорить? Говорить или не говорить Вадиму, что он мне нравится?

Кругом темно. На Энергетической, как всегда, только один фонарь горит — возле магазина “ЛЕБ”. Вообще, это “ХЛЕБ”, конечно, но буквы “Х” лет сто уже нет. Сначала висела на каком-то проводе, а потом отвалилась. Сама. Ну, почти! Мы с Вадимом ей помогли. А потом подобрали и утащили к нему домой, как военный трофей.

В общем, фонарь горит, и свет у него как будто нарисованный. Как в детских книжках про инопланетян, когда они кого-то в тарелку к себе забирают. Может, и меня заберут? Было бы не плохо. Не придется тогда больше думать про то, говорить или не говорить Вадиму, что он мне нравится.

Просто Вадим встречается с Олей. А Оля моя подруга. И я бы до самой смерти молчала, вот честно, я не какая-нибудь! Но он сегодня на дискотеке в школе вздохнул и сказал:

— Ну, почему с ней нельзя говорить, как с тобой?

А это ведь что-то да значит. Значит же, да? И потом, Оля ему совсем не подходит, ну, правда. Он даже в гости ее к себе ни разу не звал, потому что стесняется, что у них туалет на улице. И про брата ей не рассказывал. Никому не рассказывал, только мне! Даже письма его из тюрьмы показывал. Ужас, как там много ошибок. И ручкой на полях голые женщины нарисованы.

Мы с Вадимом раньше оба жили в Частном секторе. “Частный” — как будто там виллы какие-нибудь. И “сектор” — как будто зомби-апокалипсис наступил. Смешно! А на самом деле это просто старые деревянные домишки в три ряда, а за ними через поле завод. Мой дом третий от дороги, возле мусорок. Был. Его снесли год назад, когда мы к бабушке переехали. Дедушка умер, и ей стало сложно одной.

Я тогда на похоронах вообще ничего не почувствовала. Все вокруг плакали, и я тоже заплакала. Но больше от обиды, что приходится из любимого дома уезжать. И чтобы никто не понял, что я сухарь бесчувственный.

И вот теперь на улице ночь. И папа уже, наверное, ремень приготовил и стоит с ним прямо в дверях. И мама с бабушкой звонят в милицию и рыдают, что меня похитили. А Макар переносит свои вещи в мою комнату, потому что она больше. С него станется!

Но я не могу, не могу идти домой, пока не решу, говорить или нет! Так что я падаю спиной в сугроб и ору прямо в небо:

— Боже, блин, ну подай ты мне знак!

И в этот момент... ничего не происходит.

Просто я лежу под фонарем, и жду, когда меня заберут инопланетяне. Ау! Ау-у-у! А потом на всей улице гаснет свет. И в темноте окна в доме напротив вдруг начинают мигать. Все разом! Может, это, конечно, с электричеством перебои. А может...

Я встаю. Отряхиваю куртку и поправляю шапку. Выгребая снег из-за шиворота. А потом срываюсь с места и бегу, что есть духу! Так что дыхание летит за мной, точно пар за паровозом.

“Точно говорить? Точно-точно?” — с восторгом и ужасом думаю я.

И какой-то мужик, обгоняя меня, орет в телефон: “Да! Да, точно!”

У Вадима дом самый крайний по улице, дальше только завод. Я распахиваю калитку, бегу к черной двери и — хрясь-бабах! — спотыкаюсь о какой-то таз в огороде. Таз грохочет, я с размаху лечу на ступеньки, а Вадим открывает дверь.

— Ты чего? — испуганно спрашивает. У него за спиной горит свет и пахнет вареной картошкой.

— Привет, — хриплю я. А у самой перед глазами круги и какие-то точки. Ой-ей-ей!

— Ты из-за хлеба?

Какой еще хлеб?

— Я только три куска взял, — быстро шепчет Вадим. — Честно, Кать!

— О-о-ох...

— Я не для себя, я для Артемки, клянусь!

— Да нет же, Вадим, я тебя люблю!

Я крихчу, как старушка, и поднимаюсь на ноги. Вадим, очнувшись, бросается мне помогать и говорит только глупое:

— А.

И я отчего-то смеюсь.

— Бэ! — говорю.

А Вадим улыбается. На нем старая футболка с дыркой на животе и какие-то жуткие штаны. Волосы коротко стрижены, ресницы и брови почти совсем белые, а ямочки на щеках точно дырочки.

— Зайдешь? — он отступает чуть в сторону. — Артемка тебе обрадуется.

Я качаю головой. Обнимаю его крепко-крепко, пусть и знаю откуда-то, что он все равно любит Олю, а не меня. Щеки тут же краснеют, но это не важно.

— Пока! — кричу ему в ухо. И снова бегу. Мимо пустыря, мимо мусорок, мимо “ЛЕБа”, мимо фонаря... Бегу, раскинув руки широко-широко, точно весь мир обнимаю!

А инопланетяне смотрят на меня из своей тарелки и крутят зелеными пальцами возле висков: “Вот же странная!”

Но почему-то тоже улыбаются.